Светлана Волкова

Савушка и Валентина

Когда Савушку односельчане называли большим учёным, Савушка всегда смеялся. «Большие учёные в космосе ковыряются. А наше дело маленькое, мы к земелюшке поближе», — отшучивался он.

Земелюшка, как Савушка её называл, была для него предметом неустанного научного изучения. Он знал множество её законов в их первозданной сущности и мог объяснить эти законы на пальцах в прямом смысле слова. Он чувствовал суть Земли с её формулой движения эфирных частиц над нагретой солнцем грядкой, архитектурой ласточкина гнезда и логикой строения фасеточного стрекозьего глаза. Он наблюдал Землю в микроскоп и находил тысячи закономерностей в мозаике её мельчайших частичек. Он понимал про Землю всё, но не мог объяснить лишь одного: как Земля с её божественным умыслом смены времён года, приливов и отливов, с её гениальной лаконичностью и математически выверенным природным совершенством, — как эта самая Земля носит на себе бабку Валентину.

Савушка называл её за глаза НЛО — что означало «неисправимая логическая ошибка» —и искренне верил, что Валентинино существование было неоспоримым свидетельством сбоя во вселенском разуме, доказательство которому веками безуспешно пытались найти метафизики.

Валентина же о мыслях супруга если и догадывалась, то не придавала им ровно никакого значения. Как не придавала значения и самому Савушке, которого тоже называла (но уже прилюдно) НЛО — «неумёха, лоботряс и олух».

Существовали они бок о бок без малого полвека, два НЛО, на одной орбите, не в силах разорвать цепкое космическое притяжение друг друга и изменить траекторию полёта.

— Опять ты битый час сидишь в курятнике, старый пень! Яйцо не снеси! — орала бабка Валентина, стуча огромным, как брюква, кулачищем в дверь деревянного садового туалета.

— Брысь, Валька! Думаю я тута! За своими банками следи лучше, чтобы не сбежали! — отбивал подачу Савушка.

Валентина басовито выдыхала и для завершения мизансцены пинала ногой в резиновой калоше хлипкую туалетную дверь. «Банками» назывались, действительно, банки — стеклянные и пузатые, в которых бережно выращивался чайный гриб. Валентина звала его Герман, лелеяла и любила с такой сердечностью, какую от неё давно не знал Савушка. Когда-то Герман был маленьким, но постепенно его жёлтое медузье тело разрослось, завохристилось, и Валентина аккуратно отрезала от скользкого Германова бока сначала Зигфрида, потом Альберта, и совсем недавно ещё и Эдика. Каждого из них она поселила в отдельную банку и по утрам нежно чмокала Германову детву, оставляя на баночном стекле отпечатки губищ.

У Савушки, помимо науки, тоже завелась ещё одна привязанность — нутрия, пойманная им как-то у местного озерца. Нутрия блестела на солнце чёрной шубой и была совсем ручной: ходила по дому вразвалку и пила молоко из блюдца. А как она умела слушать! Бывало, сядет Савушка на лавку и ну рассказывать нутрии про земную кору да про температуру вулканической лавы, а она глядит на него, не перебивает. В общем-то, идеальный собеседник. Разве что глазки были у неё малюсенькие, неумные, а так — хоть разводись и замуж бери.

— Когда ж ты, пень трухлявый, дурью маяться перестанешь? — бранилась Валентина. — Отнеси лучше скотину, откудова взял — подохнет ведь, креста на тебе нет!

— Молчи, подколодная! Хоть бы онемела! — взвинчивался Савушка, укрепляясь в мысли, что теперь уж и подавно никуда нутрию не денет. И на очередной Валентинин выпад в сторону непрошенного постояльца обустроил нутрии мягкую кровать на веранде и дал имя Платон. А у них, у нутрий, и не понять, самец или самочка. Савушка размышлял—размышлял и укрепился в мысли, что нутрия — самец, потому как баба так хорошо понимать мужскую душу не способна.

— Отнеси, говорю, эту тварь взад! — не унималась Валентина. — Иначе сожгу записульки твои в печке!

Савушка с той её реплики стал тетрадки со своими научными измышлениями прятать в щель под лавкой, а нутрии, из бунта, помимо имени, ещё и отчество подарил — Иванович. И всех приходящих в дом гостей заставлял уважительно относиться к новому жильцу и охотно принимал в дар мелкую рыбёшку.

Так что, глобальных радостей у Савелия в жизни было две: вдоволь поразмышлять о Земле и так же вдоволь повысказывать пришедшие на ум мысли Платону Ивановичу.

— Выходи, дурень, паразит печёночный! — снова заводила песнь Валентина, сидя на ступеньке крыльца и лилейно, точно попку младенчика, протирая пёстрой тряпкой стекло банки с Эдиком. — Огурцы надо полить!

— Обойдутся сегодня без меня твои огурцы! — высовывал нос из кривенького туалетного оконца Савушка.

— Тьфу ты, ирод проклятый! — чертыхалась Валентина и сыпала Эдику щепоть сахара на прокорм.

«Ирод» всё же выходил через некоторое время, стараясь мелкими перебежками под Валентининым словесным артобстрелом доскакать до сараюшки с садовым инструментом. Там он снова закрывался и час, а то и два мастерил из лучин и щепок модель какой-то одному ему понятной молекулы. Когда терпение Валентины заканчивалось, она выкуривала Савушку из сарая, применяя изощрённую смекалку стойкого гитлеровца: подносила к двери аэрозоль с антикомаринным репелентом и от души прыскала им во все щели. Забойное средство всегда действовало безотказно. В крохотной сараюшке комар Савушка начинал чихать и через пару минут выскакивал из газовой камеры, матерясь и орошая злобной слюной неполитый огород. Кончался такой побег всегда одинаково: Савушка либо спотыкался о торчащие на садовой дорожке щупальца колченогой сосны, либо стукался со всего маху головой об электрический столб, всегда стоящий, как назло, на пути Савушкиного полёта. Тогда большой учёный брал самую высокую ноту из доступного ему визгового диапазона и растягивался плашмя на грядке с редиской. Валентина же свистела и цокая языком, склонялась над ним, как над диковинным мадагаскарским тараканом, с самой саркастической ухмылкой, на какую была способна. А затем, празднуя викторию, торжественно вручала Савушке тяпку с лейкой.

Так проходили их дни в посёлке Козий Перегон, на реке Тёшке, в полутора тысячах километрах от ближайшего отделения Академии Наук. Савушка бунтовал, запирался, огрызался, моделировал, писал думы в старенькую тетрадь, кашлял, ругался, падал и поливал огурцы. Валентина же ехидничала, барабанила в дверь, опыляла Савушку аэрозолем, цокала языком, распоряжалась манёврами на огородном фронте, лечила его ушибы вонючей мазью и по субботам от души хлестала учёного мужа веником в натопленной баньке. «Всё в природе цикличнo», — философски вздыхал Савушка. И был прав.

Так бы дальше и продолжалось, но в одно белёсое от тумана утро, по обыкновению запершись в садовом туалете, Савушка не услышал привычный супружнин рык. Отсидев положенный час и наблюдая за крыльцом сквозь окошко-амбразуру, он осторожно приоткрыл дверь и высунул голову, ожидая подвоха. Валентины ни на крыльце, ни в огороде не было видно. Но — удивительнее всего — не было слышно.

— Мегерушка! — тихо позвал он и тут же прикрыл ладонью глупый рот: господи, славно-то как, нет злыдни! Может, она в магазин отправилась или прикорнула богатырским сном, что, правда, за ней в это время суток не водилось.

Савушка на цыпочках вошёл в дом, боясь скрипнуть половицей, чтобы не разбудить чудовище, и с приятным удивлением заметил, что в сенях и комнатах пусто. На веранде и кухне тоже.

— Что, Гаргулья, метла завелась-таки? Улетела на свою Лысую гору?

Он начал пританцовывать, топоча и пристукивая пятками, и сначала тихонечко, а потом и в полный голос загоготал, осмелев и пьянея от такой своей борзости. Половицы пели, Савушка выкидывал коленца, взмахивал острыми локтями, как крыльями, лихо задирал голову, пока в дурной пляске своей не оказался в узких сенцах, где кособокими трапециями жались друг к другу низенькие дверцы — одна в подпол, другая в кладовку. В темноте Савушка не сразу разобрал, что произошло, но Валентинин силуэт был запеленгован мгновенно. Савушка дёрнулся и оборвал танец на самом выразительном па.

— Валюха?.. — не то спрашивая, не то утверждая, выдохнул он и инстинктивно попятился назад, откуда пританцевал.

Валентина не отвечала. Савушка с испугом смотрел на её остолбеневшую монументальную фигуру, очерченную полоской хворого света, сочившегося из открытой двери, и пытался сообразить, как себя теперь повести. Рука его судорожно ползла по стене, пока не нащупала вертушку выключателя. Щелчок — и в свете тусклой лампочки очертилась вся сцена трагедии: на полу, в осколках баночного стекла лежали Валентинины «мальчики» — Зигфрид, Альберт, Эдик и престарелый их предок Герман. Рядом высилась Валентина, бледная, большая, остекленелыми глазами смотрящая на их мокрые тельца, похожие на мёртвых медуз. А на верхней полке, прибитой к стене, между щётками, жестянками и прочим хламом, восседал, облизываясь, нутрия Платон Иванович. Чёрная морда его была довольной, лапки сложены на животе, глазища сверкали нагловатым огоньком.

— Это ты тут делов наворотил? — нарочито строго спросил Платона Ивановича Савушка и, не дожидаясь ответа, добавил: — Животное.

Животное облизнулось и, спрыгнув со своего постамента на пол, медленно утекло в открытую дверь, виляя толстым задом.

Савушка осторожно, как ядовитую сколопендру, взял Валентину за ситцевое крылышко халата и, потянув за собой, отвёл в комнату. Шла она покорно, ноги передвигала, в общем-то, правильно, только глядела перед собой ошарашенно и по-прежнему молчала.

Приехавший вскоре местный доктор вколол ей что-то сильное, отчего Валентина проспала сутки, а проснувшись, как ни в чём не бывало, принялась за свои обычные хлопоты: стряпню, огород и уборку. Только — о чудо! — не раскрывая при этом рта. Савушка опасливо наблюдал за ней, ожидая каверзы в любой момент, но Валентина продолжала безмолвствовать. Подождав до обеда, но так и не услышав привычный супружнин речитатив, Савушка начал её провоцировать:

— Слышь, злыднюшка! Попила ты мне кровищи! Теперь не попьёшь! Я твои ерозоли все к чёртовой прабабке выкинул!

Валентина не отвечала.

— Чего молчишь, кикимора? Похоронить свой студень баночный успела?

Иллюстрация Яны Сескутовой

Валентина лишь сопела и только на десятую подобную мужнину издёвку выпрямилась над грядкой и так уверенно зашагала к нему, что Савушка мигом примёрз к лавке, на которой раскладывал нехитрым пасьянсом тетрадные листочки своих научных изысканий. Валентина подошла к нему вплотную и так посмотрела на него матом, что он аж съёжился весь и сам себе показался сырым яйцом, а она будто клюнула его и через дырку в темени выпила всего.

К вечеру же учёный муж снова осмелел и, дурея от своего нечаянного счастья, уже и сам клевал свою благоверную при каждом удобном и неудобном случае.

— Я вот чего думаю, гарпия моя многоуровневая! — ехидно заводил он, наклоняясь к самому уху Валентины, словно она была глухой, а не немой. — Я твою картоху на рассаду из ведра-то выкинул. — А? Не возражаешь? Молчанье, оно, какгрицца, знак согласия!

Валентина реагировала напряжённой спиной, но голову к нему не поворачивала.

Проходили дни. Савушка наслаждался тишиной и возможностью безнаказанно язвить, о чём многие годы и не мечтал. Валентина же продолжала молчать, и соседи заметили за ней некую святость: мужа тряпкой не лупила (хотя это можно было бы делать и молча), огород исправно поливала сама без мужниной натужной помощи, водку от Савушки не прятала, на Платона Ивановича поползновений мстительных не делала и Германов больше не заводила. Местный доктор подозревал за такой святостью серьёзный психический перекос и советовал Савушке отвезти болезную в райцентр. Но тот лишь шипел в ответ:

— Помилуй, у меня ж теперь идеальная баба! Зачем мне её лечить?

Жизнь Савушки за пару недель изменилась неузнаваемо. Он бы сказал, что наступил для него рай, но только заметил одну странность: пропала радость сидеть в садовом туалете и думать. И напрочь перестал он писать свои научные труды. Как сглазил кто.

— Слышь, кровопиюшка! Рявкнула б ты, что ли? А то неймётся, душа будто выковырнута. Неправильно что-то в ей.

Валентина молчала, лишь изредка окидывая мужа ледяным взглядом. Савушка уже и подначивать устал, а радости что-то не прибавлялось. Всё, вроде, отлично: живи себе, забот не знай. Накормлен, обстиран, водочкой угощён, от огородных работ избавлен. Что тебе, дураку, ещё надо?

— Не пишется мне. Не думается. Модель моя почти уже готова была, а и не вспомню, что с чем соединить, — бурчал себе под нос Савушка, пытаясь восстановить молекулу из щепок. — А всё ты, крокодилица! Назло мне онемела, чтобы учёная немощь ко мне пришла! Долго ж ты план свой вынашивала! Радуйсси теперь!

Помыкавшись в отсутствие научного вдохновения ещё неделю, Савушка повёз супругу в районную клинику. Сумрачный медик долго глядел на снимки, щупал её мощную шею, проверял рефлексы резиновым молоточком. Потом развёл

руками и выписал бесполезное лекарство. Вернувшись домой, Савушка объяснял соседям:

— Чой-то щёлкнуло у ней внутрях. Заклинило.

Соседи качали головами и ехидничали:

— Да, Савелий, видно спустила она на тебя все отпущенные на твой век матюги. И кончилась в ней ругань-то. А поскольку сказать ей нечего, окромя как бранить тебя, то и молчит.

Савушку эти слова больно укололи. Что ж получается: жена способна была только ругать его? Он вспомнил, как давным-давно она говорила ему ласково: «Савушка, барашек мой златокудрый!» Тогда были ещё у Савушки золотые кудри, теперь уж нет. А барашек превратился в барана.

— Валюха, — ласково позвал он. — Ну хочешь, я огород полью? Дрова наколю? А? Ты только это... Не молчи! Гаркни, а то я без рыка твоего хирею!

Валентина не реагировала.

Савушка обошёл посёлок, раздобыл у сердобольных людей чайный гриб, приволок домой, отнял у Валентины швабру, сунул в ей в руки банку. Та равнодушно посмотрела на плескавшееся в мутной водице желтоватое тельце и вернула банку Савушке.

— Ну что ты меня изводишь, людоедка!!! — вскипал Савушка, но придумать, как растормошить Валентину, не мог.

После месяца такого бойкота у Савушки начисто пропал аппетит, а по физиономии разгулялись волдыри. Обвинять Валентину в недуге было бесполезно, хотя и понятно, что виновата она, ведьма.

Когда Савушка вконец извёлся, на глаза ему попался Платон Иванович.

— Вот первопричина всех начал! — поднял палец вверх большой учёный и долго сидел в позе «Мыслителя», обдумывая нелёгкое решение.

Поймать Платона Ивановича удалось не сразу. Отловленный, он затих на руках у хозяина и захрапел совсем по-человечески. Савушка отнёс его на озерцо, сунул мордой в нору, откуда в начале лета его вытащил, и произнёс длинную напутственную речь. После вернулся домой и заявил:

— Слышь, Валюха! Ты хоть и гарпия и кровь мою попила вдоволь, но исполнил я мечту твою. Вернул его взад, откудова взял.

Валентина посмотрела на мужа осмысленно и сурово.

— Ну, Платошу. Платон Ивановича, — пояснил Савушка. — Ты ж хотела. Он же ж немчуру твою студенистую раскокал. Так что квиты мы.

Савушка отвернулся и зашагал по садовой дорожке к сараю. Уже открывая ржавый навесной замок, он услышал гул — да такой, будто низко летел подбитый самолёт.

Обернулся — и обомлел: Валентина сидела на перевёрнутом ведре, качалась из стороны в сторону, обхватив руками голову, и выла. Он мигом подскочил к ней.

— Иииииии, — издавалось из Валентины. — Иииииииии!

— Что, родненькая? — выдохнул Савушка. — Скажи мне, где болит? Всё сделаю!

— Тууууууууут, — тыкала Валентина квадратным кулачищем в грудь, в область сердца.

— Корвалолчику? Принесу сейчас!

— Вееееээээ, — она схватила его за ремень штанов. — Вееееэээрни Плато-оооошу! Плато-ооооошу вееееерни!

Уже у озерца, с трудом выуживая из-под мокрой коряги ожиревшего Платона Ивановича, Савушка подумал, что голос у супруги очень красивый. Мецо-сопрано, как сказали бы учёные собратья. И ещё подумал, что готов на всё, лишь бы слышать его каждый день.

Валентина ждала его у калитки, молча вырвала из рук грязного от песка Платона Ивановича, отряхнула, и, нежно прижав к груди, зашагала на веранду.

«Неужто опять онемела?» — с ужасом подумал Савушка и засеменил следом.

— Душенька! Скажи хоть словечко-то!

Валентина обернулась, выдержала пудовую паузу и тихо молвила:

— Молока в блюдце налей, Савелий! Ещё раз тронешь Платошу, прибью!

И Савушка, охнув, побежал в кухню за молоком, долго гремел там посудой и никогда ещё не чувствовал себя таким счастливым и молодым, как в тот вечер.

За несколько следующих дней всё вернулось в прежнее русло. Савушка снова запирался в туалете, Валентина орала на него, стучала кулаком по двери, он огрызался и, улучив момент, сбегал в сараюшку мастерить молекулу. Но, как он с гордостью заметил, в их отношениях с супругой что-то смягчилось. Била она его уже не так больно и звала теперь не старым пнём, а ласково: пенёчком. И лысым барашком. «Всё в природе циклично» — удовлетворённо думал Савушка, заседая в своём деревянном кабинете.

И был, безусловно, прав.

Светлана Волкова. Писатель, переводчик, сценарист. Живёт и работает в Санкт-Петербурге. Окончила филологический факультет СПбГУ. Выпускница литературных и сценарных курсов (Астрель-СПб). Автор романа «Подсказок больше нет» (АСТ, 2015), получившем национальную литературную премию «Рукопись года» на X Международном книжном салоне в Санкт-Петербурге. Финалист конкурса им. Сергея Михалкова (2016). Лауреат литературной премии им. Александра Куприна, 2013. Золотой лауреат в номинации «Проза» — конкурс Русский Stil (Германия) 2014 и 2015 гг. Серебряный лауреат конкурса прозы «За далью даль» им. А.Т. Твардовского (2015). Серебряный лауреат конкурса прозы «Волошинский сентябрь» (2015). Призёр III и IV Международных конкурсов рассказов им. В.Г.Короленко.